

СКАЗКИ В.А. ЖУКОВСКОГО: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

Жесткова Е.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Лобачевского» (Арзамасский филиал), Арзамас, e-mail: ezhestkova@mail.ru

В статье анализируются сказки В.А. Жуковского. Поэт стремится воссоздать в художественном мире своих сказок структуру и поэтику, чувства и представления, почерпнутые в фольклорных образах. Душевный мир его героев характеризуется при помощи пейзажной зарисовки, выдержанной в романтическом стиле, романтического портрета, жестов, реплик вслух. Трактовка писателем характера главного героя сказок представляет собой синтез европейской традиции, рыцарских романов и отечественной народнопоэтической традиции. Для Жуковского и как переводчика, и как оригинального автора характерна манера «облагораживания» фольклорного материала, придания ему характера настойчивой назидательности, несвойственного народной сказке. Он использует поэтические сказочные формулы: формулы времени, формулы-характеристики; употребляет «типические места», вводит сказочную концовку, использует прием утроения, характерные для народной сказки вопросы-восклицания, которые сказочники употребляют перед тем, как изложить какое-нибудь чрезвычайное, чудесное происшествие, привлекая внимание слушателей.

Ключевые слова: сказка, сюжет, поэтика, изобразительно-выразительные средства, интерпретация

TALES V.A. ZHUKOVSKY: INTERPRETATION OF FAIRY TALES

Zhestkova E.A.

National Research Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky (Arzamas Branch), Arzamas, e-mail: ezhestkova@mail.ru

The article analyzes the tales V.A. Zhukovsky. The poet seeks to recreate in the art world of his tales and poetic structure, feelings and ideas gleaned in folklore samples. The natural world of his characters is characterized by means of landscape sketches, designed in a romantic style, romantic portraits, gestures, remarks aloud. The interpretation of the character of the hero writer of fairy tales is a synthesis of the European tradition of chivalry and domestic national poetic tradition. For Zhukovsky and as a translator and as the original author's characteristic manner of «upgrading» the folk material giving it the nature of persistent edification untypical folk tale. He uses a poetic fairytale formula: time Formula characteristics; uses «loci», introduces fairytale ending, it uses a tripling reception characteristic of the folk tale questions, exclamations, that storytellers use before to present some extraordinary, miraculous event, attracting the attention of listeners.

Keywords: tale, story, poetic, figurative and expressive means, interpretation

К изучению сказок Жуковского в контексте его творчества обращались многие литературные критики, начиная с современных поэту и оканчивая современными сегодняшнему читателю. Это и первые биографы поэта – И. Загарин, А. Зейдлиц, А. Веселовский, А. Архангельский, и литературные деятели – А. Пыпин, И. Полевой, и поэт и журналист Л. Майков. Это и принадлежащие XX веку ученые-литературоведы – Пospelов, Бессараб, Семенко, Маймин и другие (мы приводим лишь наиболее известные фамилии исследователей литературы, занимавшихся изучением литературных сказок поэта как неотъемлемой части его творческого наследия). Как выдающуюся следует отметить работу А.Н. Веселовского, вошедшую в 16-й том Академического собрания сочинений, составителем которого был известный русский фольклорист М.К. Азадовский, поскольку в ней исследуются не только мотивы, образы, язык сказок

Жуковского, но и дан развернутый комментарий по каждой сказке.

С 1816 по 1845 годы В.А. Жуковским было создано семь сказок: «Красный карбункул» (1816), «Сказка о царе Берендее...» (1831), «Спящая царевна» (1831), «Война мышей и лягушек» (1831), «Тюльпанное дерево» (1845), «Кот в сапогах» (1845), «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке» (1845). На протяжении почти тридцати лет поэт вновь и вновь обращался к жанру сказки, используя различные источники для сюжетов, населяя мир разными по характеру героями, применяя разнообразные изобразительно-выразительные средства языка, экспериментируя со стихотворными размерами так, как это не делал никто до него в русской поэзии. Неизменным оставалось при этом одно – любовь к этическому вымыслу, без которого нет сказки, а значит, нет и жанра как такового. Интерес к сказкам у Жуковского дальний, вынесенный им еще

из семьи, из детского знакомства с народным поэтическим творчеством: песнями, преданиями, былинами, сказками. Интерес этот характерно романтический. Поэта необычно влекло к поэтике «сказочного», то есть ирреального, таинственного, часто страшного. В этом он был близок к романтикам таким как Новалис, Тик, Гофман и другие, которые также тяготели к страшному, мистическому, «сказочному». Но Жуковский равно интересовался и другими по тематике сказками, просил записывать все, какие можно, считая, что «... эта национальная поэзия... у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания: в сказках заключаются народные мнения, суеверные предания дают понятие о нравах их и степени просвещения и о старине». Интерес к национально-поэтическому творчеству был у него искренним и глубоким. Таким образом, два источника – западноевропейский фольклор, использованный европейскими же поэтами-романтиками для создания сказок, и национальный фольклор, почерпнутый из изучения поэтического народного творчества, – определили мотивы и характер сказок Жуковского, его подход к созданию художественного мира сказки.

Ко второй группе относятся «Сказка о царе Берендее...» и «Сказка о Иване-царевиче и Сером волке», представляющие собой оригинальные сказки, созданные на основе русских народных сказок. «Неравное» распределение по группам может привести к мысли, что Жуковского больше интересовали западноевропейские источники. Это будет в какой-то степени верно, поскольку Жуковский блестяще знал европейскую литературу и стремился своим творчеством приобщить русского читателя к лучшим, с его точки зрения, произведениям европейских писателей. Но верным будет и то, что писательский талант Жуковского позволял ему из чужого, заимствованного сюжета творить нечто колоритно-национальное, как это произошло, например, при создании сказки «Спящая царевна». Не следует забывать и о том, что поэта отличало своеобразное отношение не только к национальному фольклору, но и к фольклору в целом. Так, переводя сказки из сборника братьев Grimm для журнала «детский собеседник», Жуковский удалял эпизоды, казавшиеся ему грубыми или жестокими, заменив их на «слова и выражения, подчеркивающие значение доброты, кротости и смирения». То есть, для Жуковского и как переводчика, и как оригинального автора характерна манера «облагораживания» фольклорного материала, придания ему характера настойчивой назидательности, несвойственного народной сказке.

Сюжет сказки «Красный карбункул» заимствован из И.П. Гебеля, у которого повесть носит название «Карбункул». В поэтическом переложении Жуковского эта сказка причудливо сочетает в себе мрачное и фантастическое в атмосфере и деталях рассказа и одновременно дидактизм и связанные с нравственно-дидактическими задачами прозрачные аллегории, и наивную прелесть языка и тона.

В центре повествования история человека, поддавшегося дьявольскому искушению нечестной игрой в карты приобрести богатство, беспечную, веселую жизнь. Герой сказки Вальтер наказан за то, что забыл Божьи заповеди и предался силе, но еще более за то, что пытался совратить других людей. Расплата за его грехи – одиночество, горе близких.

Дидактизм сказки, ее Нравоучительный характер смягчены лукавой наивностью, с которой рассуждает юная Луиза о страшном смысле рассказанной истории:

Тут Луиза примолвила: «Бабушка, кто же боится?

Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?»...

Основной идеей сказки является призыв слушаться своей совести, служащей каждому человеку защитой от нечестных поступков, неправедных мыслей, низменных интересов и желаний. Поступать по совести – соблюдать Божий закон. Именно эта мысль в центре внимания автора, и ее он стремится донести до читателя.

1831 год стал в некотором роде выдающимся в творчестве Жуковского: были написаны самые известные его сказки. «Спящая царевна» и «Война мышей и лягушек» – поэтические переложения прозаических европейских сказок; «Сказка о царе Берендее...» – литературная обработка русской народной сказки.

Первоначальный вариант сказки Жуковского свидетельствует о том, что поэт собирался ограничиться литературной обработкой лишь тех мотивов, которые были им встречены в пушкинской записи, однако позднее он включил в сказку эпизод, известный ему по переведенной еще в 1826 году немецкой сказке из сборника братьев Grimm «Милый Роланд и девица Ясный Цвет». Превращения героини в цветок в русских сказках на сюжет «Чудесное бегство», как правило, не бывает (данный мотив встречается лишь в сказках, явно испытавших влияние «Сказки о царе Берендее»), тем не менее оно не чуждо русскому фольклору, но встречается в сказках другого типа.

В трактовке системы образов Жуковский в основном старается следовать

фольклорному источнику, но при этом вносит и свое понимание сказочных образов. Так, образы царя Берендея и Кощея в интерпретации Жуковского мало соответствуют образам народной сказки. Здесь Жуковский дает волю своей поэтической фантазии. Образ царя в народном источнике почти не разработан, эпизодичен. Жуковский его раскрывает и дополняет.

Антагонист в пушкинской записи не имеет имени, о нем известно только, что он «старичок» и «царь»; Жуковский назвал его Кошеем Бессмертным. Выбор имени был не очень удачен с точки зрения народной сказки, но сам образ вполне соответствует фольклорному.

Марья-царевна – это «типичный сказочный образ мудрой жены-советчицы». Однако Жуковский придал своей героине черты робости, застенчивости и даже пассивности. Узнав, что она забыта женихом, героиня народной сказки активно борется за свое счастье, это видно и из пушкинской записи. Марья-царевна у Жуковского смиряется с судьбой. Видимо, на такое художественное решение образа Жуковским повлиял образ девицы Ясный Цвет из «Милого Роланда», ведь именно отсюда Жуковский заимствует этот мотив, но вслед за возвращением сюжета «Сказки о царе Берендее» после эпизода из «Милого Роланда» к русскому источнику образ Марьи-царевны становится ближе народному. Характерно, что в народной сказке, испытавшей влияние сказки Жуковского, эпизод с цветком существенно изменен в соответствии с народными представлениями об образе главной героини.

Кроме чисто литературных приемов (портрет, пейзаж), при создании образов Жуковский пользуется характерными приемами фольклорных сказок, такими, как характеристика персонажа через действие. Для раскрытия образов поэт успешно использует диалоги, отражает душевное состояние героев с помощью прямой речи, реплик вслух, внутренних монологов.

Однако в создании своего сказочного поэтического мира поэт использует и чисто литературные приемы. В народных сказках сюжет имеет первостепенное значение, у Жуковского же функциональное значение сюжетных и внесюжетных компонентов как бы уравновешено. Детализация и развернутые описания сказке не характерны, но Жуковский приносит в сказку чисто литературные приемы, чтобы приукрасить, оживить повествование, увлечь и заинтриговать читателя. Жуковский знаком и с приемами, характерными для фольклорной сказки. Он использует поэтические сказочные формулы: формулы времени, формулы-характеристи-

ки; употребляет «типические места», вводит сказочную концовку, использует прием утроения, характерные для народной сказки вопросы-восклицания, которые сказочники употребляют перед тем, как изложить какое-нибудь чрезвычайное, чудесное происшествие, привлекая внимание слушателей [6].

Ориентируясь на народный источник, Жуковский создает авторское произведение. В процессе работы над «Сказкой о царе Берендее» была создана устойчивая модель, послужившая для дальнейшей работы Жуковского в этом жанре.

О несомненных достоинствах литературной сказки говорит то, как ее восприняла народная традиция. И с этой точки зрения сказку Жуковского можно считать удавшейся. Среди вариантов сказок на сюжет «Чудесное бегство» встречаются несколько явно испытавших влияние «Сказки о царе Берендее» (например, № 41 «Чего дома не знаешь» из сборника «Северорусские сказки в записях А.И. Никифорова»; № 12 «Про Кощея Бессмертного» из сборника «Фольклор на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка»). Литературная сказка в народной традиции утратила свои чисто литературные элементы, такие как портрет, пейзаж. Не была воспринята характерная для Жуковского трактовка образов. Но мотив цветка, внесенный Жуковским в сюжет, был прочно усвоен, что свидетельствует о том, что Жуковский верно почувствовал родственность этого мотива русской сказке. Имя царя Берендея тоже вошло в русскую сказочную традицию [5].

Литературное авторское начало в сказке распределено неравномерно. Сначала Жуковский достаточно точно следует фольклорному источнику, но постепенно литературные элементы в «Сказке о Иване-царевиче и Сером волке» начинают доминировать.

Образ Ивана-царевича в целом довольно близок народному. В сюжетах, использованных Жуковским, трактовка этого образа различна. Герой, побеждающий Кощея, как правило, богатырь. Герой сюжета «Царевич и серый волк» без боя отдаст на съедение своего коня. Соединяя эти два сюжета, поэт наделяет своего Ивана-царевича богатырскими качествами, свойственными герою-победителю. В соответствии с этим образом Жуковский изменяет в поведении героя в первой части сказки. Это преобразование Жуковского совпадает со стремлением некоторых народных сказителей «Активизировать» своего героя. Но наряду с чертами, характерными для героя русской сказки, в образе Ивана-царевича прослеживаются и черты романтизма, хотя их уже существенно меньше, чем у персонажей «Сказки о царе Берендее» [4].

В народной сказке для раскрытия образа Елены Прекрасной очень важен эпизод убийства Ивана-царевича, в котором проявляется ее верность, а в некоторых случаях сила духа и хитрость. Героиня укрывает убийц, плачет и соглашается не рассказывать об их преступлении только после запугивания. Героиня же Жуковского на редкость пассивна и безгласна. «Злодеи-братья», избавившись от Ивана-царевича, без труда – как вещь – забирают его невесту.

Попадая в плен к Кощею, героини народных сказок стараются сохранить верность своему избраннику или, если это невозможно, проявляя смекалку и изобретательность, выведывают, где находится Кощеева смерть. Героиня Жуковского в плену себя никак не проявляет: от посягательств на нее Кощей ее хранит волшебный талисман. В сказке Жуковского она вообще не произносит ни слова! Ее одну среди всех героев Жуковский лишил «дара речи», которым наделены даже братья Ивана-царевича (их слова Жуковский передает с помощью косвенной речи).

Как и в «Сказке о царе Берендее», в «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» Жуковский использует как фольклорные, так и литературные приемы. Красочные описания и подробная детализация – излюбленные приемы Жуковского, и поэт их активно применяет в сказочном повествовании. Как и в «Сказке о царе Берендее», поэт часто использует описания романтических пейзажей. Портретные характеристики героев и волшебных помощников также чисто литературные.

Создавая сказку, Жуковский активно использует фольклорную традицию, стремится сделать ее динамичнее. Это особенно заметно при сравнении рукописи сказки, ее первого издания и окончательного варианта. При создании образов своих героев поэт нередко использует одновременно фольклорные и литературные приемы [3]. Так, описывая сказочного коня, он пользуется чисто литературными средствами, а говоря о его полете, использует фольклорную стилистику. Время и пространство в «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» соответствует сказочному.

«Сказка о царе Берендее» и «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке» – две сказки Жуковского, написанные на основе русских источников. Обе были созданы поэт уже в зрелом возрасте. Их разделяет четырнадцать лет, в течение которых Жуковский написал «Спящую царевну», «Войну мышей и лягушек» (1831), «Кота в сапогах» и «Тюльпанное дерево» (1845). Так что, приступая к своей последней сказке, поэт имел значительный опыт творчества в этом жанре, и последняя сказка явилась синтезом этого опыта.

Персонажей сказки поэт стремится сделать ближе к героям народной сказки. В «Сказке о царе Берендее» образ Кощей был интерпретирован Жуковским не в народной традиции, в «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» Кощей написан в русле фольклорной традиции.

В «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» Жуковский использует приемы, выработанные в «Сказке о царе Берендее», соединя поэтику литературы и фольклора. Но, в отличие от «Сказки о царе Берендее», в последней сказке Жуковского авторское, пересоздающее начало преобладает.

Свою последнюю сказку Жуковский старается сделать динамичнее, жертвуя для этих целей некоторыми элементами сказочной обрядности. Это стремление поэта особенно четко прослеживается при сравнении рукописного и опубликованных текстов.

Список литературы

1. Гусев Д.А. Педагогический потенциал народного творчества в контексте исторического анализа развития образовательных учреждений на селе // Гуманитарные науки и образование. – 2015. – № 1 (21). – С. 44–47.
2. Гусев Д.А. Народное творчество как средство развития духовно-нравственных ценностей в дошкольном и младшем школьном детстве в условиях села // Детский сад от А до Я. – 2015. – № 3. – С. 34–40.
3. Еремеев С.Н. Русская литературная сказка первой половины XIX века: структурно-повествовательный аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Мичуринск, 2002.
4. Жесткова Е.А. Внеклассная работа по литературному чтению как средство развития читательских интересов младших школьников / Е.А. Жесткова, Е.В. Цуцкова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1330.
5. Жесткова Е.А. Мир детства в творческом сознании и художественной практике В.И. Даля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4–3 (34). – С. 70–74.
6. Жесткова Е.А., Клычёва А.С. Духовно-нравственное развитие младших школьников на уроках литературного чтения посредством русской народной сказки // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 1–1. – С. 126–129.
7. Лучина Т.И. Взаимосвязь коммуникативного образования и нравственного воспитания современных школьников // Теория и практика социального государства в Российской Федерации: научно-производственный потенциал и социальные технологии: материалы III всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Омск, 2015. – С. 149–158.
8. Тихомирова О.Б. Содержательно-методический контекст интеллектуального и личностного развития дошкольников в процессе знакомства со сказками Л.Н. Толстого // Вестник угрюдения. – 2013. – № 3. – С. 100–106.
9. Тихомирова О.Б. Духовно-нравственное развитие дошкольников в условиях детского сада / Тихомирова О.Б., Наумова Т.В. // Наука и мир Международный научный журнал. – 2014. – № 1 (5). – С. 306–310.